

УДК 316.33.35

DOI 10.18522/2227-8656.2021.3.9

**ЦЕННОСТНО-РЕЛИГИОЗНЫЕ
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
ОБ УСТРОЙСТВЕ
РЕГИОНАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ**

© 2021 г.

М. М. Юсупов *

* Чеченский государственный университет,
г. Грозный, Россия

Цель исследования: выявить ценностно-религиозные представления разных национальных, социально-демографических групп, раскрыть динамику их изменения в условиях конфликта и постконфликтной ситуации.

Методологическую базу исследования составили социокультурный и конфликтологический подходы, методы социологического анализа, проведены по репрезентативной выборке социологические опросы в 2003, 2009, 2015, 2017, 2018 гг., была произведена операционализация понятия «ценностно-религиозные представления».

Результаты исследования. В статье характеризуются уровень религиозности разных национальных групп населения и религиозная инфраструктура, отмечается неразрывная связь этнокультурности и религиозности в чеченской идентичности, фиксируется расхождение самооценок индивидуальной значимости религиозной веры, этнокультурных норм и оценок их социального уровня в обществе. Подчеркивается доминирование в сознании некоторой части молодежи внешней стороны религиозности, влияние на религиозность и социальное поведение социокультурных изменений. Сравниваются переломные периоды в истории региона и стратегии выбора политического и социокультурного вектора развития края. Выявлены ценностные представления об

Тип статьи в журнале – научная

**VALUE-RELIGIOUS IDEAS
ABOUT THE STRUCTURE
OF THE REGIONAL
COMMUNITY**

© 2021

М. М. Yusupov *

* Chechen State University,
Grozny, Russia,

Objective of the study is to identify the value-religious beliefs of different national, socio-demographic groups and to reveal the dynamics of their changes in the conditions of conflict and post-conflict situation.

The methodological basis of the research was made up of socio-cultural and conflictological approaches, methods of sociological analysis, sociological surveys were conducted on a representative sample in 2003, 2009, 2015, 2017, 2018, the concept of «value-religious ideas» was operationalized.

Research results. In the article the level of religiosity of different ethnic groups of the population and the religious infrastructure is characterized, the inextricable link between ethnoculturalism and religiosity in Chechen identity is noted, the discrepancy between self-assessments of the individual significance of religious faith, ethnocultural norms and assessments of their social level in society is fixed. The dominance in the consciousness of some young people, the external side of religiosity, the influence of socio-cultural changes on religiosity and social behavior is emphasized. The turning points in the history of the region and the strategies for choosing the political and socio-cultural vector of the region's development are compared. Valuable ideas about the structure of the republic are revealed, the choice of secularism

устройстве республики, выбор светскости и «исламскости» в устройстве региональной общности соотносится с предпочтением респондентами статуса республики, приверженностью национально-традиционным и гражданским ценностям, нормам. Приводятся социологические показатели отношения к использованию религиозных, гражданских, этических принципов и норм в сфере политики и экономики, отмечается неизменность отношения населения к ваххабизму. Раскрывается взаимосвязь органов власти и религиозных институтов, выделяются основные направления деятельности духовенства.

Перспективы исследования: считается целесообразным продолжить социологический мониторинг взаимосвязи власти и религии, динамики изменений ценностно-религиозных представлений и их влияния на социальное и политическое поведение.

Ключевые слова: ценности; религия; конфликт; общность; республика; традиция; власть; постконфликтная ситуация.

and Islam in the structure of the regional community correlates with the respondents' preference for the status of the republic, adherence to national, traditional and civic values and norms. The sociological indicators of the attitude to the use of religious, civil, ethical principles and norms in the field of politics and economics are given, the invariability of the population's attitude to Wahhabism is noted. The author reveals the relationship between the authorities and religious institutions, highlights the main areas of activity of the clergy.

Prospects of the study: it is considered to be expedient to continue the sociological monitoring of interrelation of power and religion, dynamics of changes of value-religious views and their influence on the social and political behavior.

Keywords: values; religion; conflict; community; republic; tradition; power; post-conflict situation

Введение

В постсоциалистической России, ее регионах протекают сложные и в немалой степени противоречивые социокультурные процессы, выстраивается новый тип отношений во взаимодействии религии и общества, религии и государства, наблюдается рост религиозности населения, включение религиозных ритуалов, обрядности в широкую общественную жизнь. Встает вопрос о потенциале религии в модернизации социально-экономической и культурной сфер жизни, развитии демократии, инновационной активности людей, укреплении устоев семьи, гуманитарных ценностей.

Постановка проблемы. В условиях нестабильности, регионального социально-политического кризиса, возникновения и развития конфликта обостряются групповые, межличностные противоречия интересов и ценностей. На ход развития конфликта и всего социально-политического процесса оказывают влияние ценностные и религиозные представления об устройстве социальной общности, выборе вектора социокультурного развития региона. В свою очередь, социальные противоречия, основные этапы развития конфликта обуславливают степень проявления ценностно-религиозных представлений, характер внутривре-

лигиозных противоречий, социальную дифференциацию и интеграцию на основе политической ориентации. В ходе конфликта в ЧР остро проявились противоречия межгрупповые, между властью и частью населения, последователями традиционного ислама и приверженцами салафизма (ваххабизм). Это актуализирует выявление факторов влияния на формирование ценностно-религиозных представлений и изучение воздействия ценностей, религиозных представлений на социальное поведение, политические установки, организацию послевоенного мирного строительства, интеграцию региона в социально-экономическое, политическое и культурно-образовательное пространство РФ.

В данной статье ставится цель – выявить ценностно-религиозные представления разных национальных, социально-демографических групп о региональном устройстве, социально-правовых нормах.

Объект исследования – социально-демографические и национальные группы населения Чеченской Республики.

Предмет исследования – ценностно-религиозные представления различных групп населения об устройстве региональной общности.

Научная новизна исследования состоит в изучении ценностно-религиозных представлений в условиях конфликта и постконфликтного возрождения региона, отслеживании динамики ценностных установок в контексте переживаемых периодов регионального кризиса.

Ценностно-религиозные представления характеризуются как совокупность значимых представлений о мироздании, о Боге, вере, нравственных принципах и нормах, образе жизни, устройстве общества, существовании и сожительстве людей разных рас, этнических и социальных групп и конфессий.

Региональная общность рассматривается как совокупность людей, проживающих на определенной территории, состоящая из лиц разных национальностей, конфессиональной, социальной принадлежности.

Устройство общности понимается как многокомпонентное образование, включающее в себя систему социокультурных ценностей и норм, социальные институты, тип административно-территориальной или национально-республиканской самоорганизации, функционирование культовых, образовательных, культурных и иных учреждений, светской и религиозной инфраструктуры, выстраивание отношений межнационального и межконфессионального сосуществования и коммуникации.

Материалы и методы. В исследовании применялись социокультурный и конфликтологический подходы, использовались методы социологических исследований. Социокультурный подход позволил учесть взаимосвязь этнокультурного и религиозного, влияние традиций

и обычаев на формирование религиозности и ценностей и, в свою очередь, воздействие религии на ценностный мир и модели поведения жителей. Конфликтологический подход предусматривал рассмотрение ценностно-религиозных представлений через региональные социальные противоречия, соотношение светского и религиозного, конфликтное взаимодействие приверженцев традиционного ислама и салафитского направления (ваххабизм), конфронтации по линии центр – регион и послевоенного возрождения региона.

Операционализация понятия «ценностно-религиозные представления» была произведена через выстраивание блока вопросов и переменных, характеризующих предпочтение типов устройства республики, желательность введения религиозных элементов в разные сферы жизнедеятельности, нормы регулирования спорных и иных вопросов.

В 2003 г. проведено социологическое исследование «Интересы, нормы, ценности»: объем выборки рассчитывался с учетом сложной демографической и миграционной ситуации в разрезе каждой национальной группы: чеченцы, русские, другие национальности. Объем выборки чеченцев – 1096 человек, доверительный интервал – 2,96 %, русских и других национальностей – по 100 человек, доверительный интервал – 9,8 %. В SPSS были созданы три базы данных.

Выборка других социологических опросов рассчитывалась по данным Всероссийской переписи 2002 и 2010 гг., в них была определена вероятность 95 %. В 2009 г. проведен социологический опрос «Социокультурные проблемы региона»: по репрезентативной выборке опрошено 1000 человек, в городах – 35 %, в сельской местности – 65 %, мужчин – 46,2 %, женщин – 53,8 %, доверительный интервал – 3,1 %.

В 2015 г. проведен социологический опрос «Социокультурные ценности»: объем выборки – 750 человек, доверительный интервал – 3,6 %. В 2017 г. по этой же теме состоялся опрос («Социокультурные ценности», объем выборки – 834 человека) с доверительным интервалом 3,4 %, а также в 2018 г. (выборка – 538 человек) – с доверительным интервалом 4,2 %. Во всех исследованиях опрос проводился по формализованному вопроснику в форме индивидуального интервью (Face to Face).

Обзор. Религиозные отношения рассматривают как разновидность социальных, образующих особую ценностную область, члены общества устремлены к целям устройства земной жизни, поддержания социального порядка, удовлетворения базовых потребностей соответственно своим ценностным ориентирам, определяющим нормы поведения (Гараджа, 2005. С. 226).

Ценности интерпретируют как значимое для индивида, группы явление духовной культуры или предмет материальной культуры, воспринимаемые субъектом оценки в качестве нормы, идеала, блага, пользы и выгоды (Максименко, 2011).

В этом контексте религия представляет собой мировоззрение, упорядочивающее мир и придающее ему смысл на основе антропоморфных интерпретаций (Бабич, 2016). Исследователи религиозной ситуации в России отмечают, что в общественном сознании наметился значительный позитивный сдвиг в оценке историко-культурной и современной роли религии (Социология межэтнической толерантности, 2003).

На взгляд отдельных авторов, светское (как определенный способ описания и конфигурирования социальной реальности) и религия (как отдельная категория в этой социальной реальности) возникли в тандеме. Это появление имеет долгую и сложную историю (Bader, 2007).

Одновременно в религии происходят процессы, связанные с изменением ее внутреннего содержания. Во многих странах осознается необходимость соответствия религии современным запросам общества, поиска ответов на вызовы времени, полагается, например, что ислам должен стать частью глобального модерна и должен быть приведен в соответствие с эпохой (Ashaari, 2012).

В дискуссиях сталкиваются разные точки зрения о ресурсах ислама: так, западные востоковеды и арабские секуляристы считают, что ислам и его общественные институты всегда препятствовали появлению истинного гражданского общества, демократии и плюрализма. Оппоненты указывают, что исламу и его институтам нужно отводить центральную и доминирующую роль в строительстве гражданского общества. Оно должно вырасти на своей арабо-исламской корневой основе (Harmssen, 2008).

В разные эпохи в мире имела место политизация религий, термин «политическая религия» стали чаще применять для обозначения политизированных версий ислама, но политические религии отрицают не модернизацию, а вестернизацию и рассматривают религию как движущую силу развития (Мациевич, 2012).

Некоторые авторы полагают, что ислам как религиозная культура должен быть отделен от политического ислама как идеологии, которая превращает социальное разочарование во враждебность западным ценностям (Fuller, 2004).

Нарушение в обществе баланса интересов различных социальных, культурных, религиозных групп может вылиться в конфликт. Он чаще всего возникает из-за недопонимания между людьми в отношении их

потребностей, идей, убеждений, целей и ценностей. В зависимости от способа реагирования на него он может быть источником насилия и недопонимания или источником трансформации (Maxwell, 2019).

Сегодня ислам оказывает влияние на политический процесс в мусульманском обществе, и его роль возрастает в конфликтных ситуациях (Малашенко, 2002. С. 69). Это наглядно просматривается на примере развития Северо-Кавказского региона РФ в постсоветские годы.

С середины 90-х гг. XX в. приверженцы ваххабизма на Северном Кавказе от миссионерской деятельности по распространению «чистого ислама» переходят к политике конфронтации с традиционным исламом, они видели выход из социального и духовно-культурного кризиса в построении общества на основе строгих исламских ценностей (Акаев, 2010. С. 14).

Стремление к привнесению «чистого ислама» на Северный Кавказ и в другие российские регионы представляет собой попытку подмены местных этнических, культурных и иных идентичностей на арабовваххабитские. Этот процесс не мог быть в принципе бесконфликтным (Добаев, 2020).

Итак, проблема взаимосвязи религии и общества, религии и политики, религиозно-ценностной системы многогранна. В нашем исследовании ставилась задача выявить ценностно-религиозные представления и их влияние на региональные социально-политические процессы, модель поведения и предпочтения различных групп населения.

Результаты. Ценностно-религиозные представления характеризуют отношение к религиозной вере, культовому поведению, особенности образа жизни. Уровень религиозности жителей сильно различается в разрезе национальных групп. Конфликтные события и миграционные процессы существенно изменили национальный и конфессиональный состав в республике. По итогам Всероссийской переписи 2010 г., в ЧР чеченцев – 95,1 %, русских – 1,92 %, других национальностей – 2,98 %, чеченцы и в основном другие национальности исповедуют ислам, русские – православие. В 2017 г. из тех, кто идентифицирует себя с исламом, указали, что они верующие, 96,6 %, среди приверженцев православия – 42,1 % респондентов. Причем отнесли себя к скорее верующим, чем не верующим, 2,7 % чеченцев, 53,7 % русских.¹ О возможных расхождениях в религиозной идентификации и конкретной предрасполо-

---

¹ Результаты получены в ходе социопроса «Социокультурные ценности в трансформирующемся региональном сообществе», 2017.

женности к выполнению религиозных предписаний свидетельствуют показатели ранее проведенного опроса с иной формулировкой вопроса.

В 2003 г. отметили, что веруют и соблюдают религиозные обряды 87 % опрошенных чеченцев и 21 % русских, верующих, но не соблюдающих религиозные обряды – 11,9 и 61 % соответственно, колеблются 1,1 и 11 %, не веруют – 0 и 7 %.¹

По результатам всероссийского исследования, каждый день совершают молитву 43 % мусульман и 19 % православных, около четверти православных и мусульман (26 и 25 %) считают себя нерелигиозными людьми, позиционируя себя как последователей православия или ислама, скорее обозначая свою принадлежность к той или иной культурной традиции (Кофанова, 2010. С. 209).

Ценностно-религиозные представления в регионе имеют свое историческое измерение, оказывают влияние на расклад социально-политических сил. В переломные периоды истории всегда вставал вопрос о выборе политического и социокультурного вектора развития и устройства региональной общности. В первой половине XIX в. остро проявились противоречия ценностей светской народной демократии и теократического государства (Имамат – теократическое государство на территории Чечни и Дагестана, 1829–1859), хотя носители тех и других ценностей в основном были едины в организации сопротивления царским военным подразделениям в Кавказской войне.

В начале XX в. на территории современной Чечни формируются три общественно-политические силы со своими программами определения будущего народа. Одни стремились к созданию единой горской демократической республики на Северном Кавказе (Горская Республика, 05.1918–05.1919), другие предприняли попытку образования в юго-восточной части Чечни и Дагестана теократического государства (Северо-Кавказский эмират, 09.1919–03.1920), успели создать институты управления и выпустить свою валюту. Третьи, олицетворяющие преимущественно бедную часть населения, восприняли лозунги и обещания большевиков о справедливом решении земельного вопроса и предоставлении права на создание своей государственности в форме автономии в составе России.

В 90-е гг. XX в. в условиях регионального социально-политического кризиса также складываются разные общественно-политические силы со своими представлениями о выборе формы регио-

---

¹ Результаты соцопрос «Интересы, нормы, ценности в условиях регионального конфликта». 2003.

нальной самоорганизации. В общественном мнении формируются три сегмента предпочтений: государственного устройства республики по статусу автономии в составе России, особого статуса в составе РФ и независимости ЧР. В этом вопросе наблюдался с незначительными колебаниями примерно равный расклад сторонников (30–40–30 %), но была существенная разница в видении содержательной стороны устройства республики.

Во время второй войны на территории ЧР некоторыми политиками и публицистами обсуждались возможные варианты постконфликтного обустройства региона. Этим было обусловлено изучение мнений самих жителей. В исследовании респондентам были предложены для выбора 4 типа самоорганизации региона (табл. 1).

Таблица 1

Представления об устройстве региона (2003, 2015 гг.), %

Тип устройства региона	Чеченцы		Русские		Другие	
	2003	2015	2003	2015	2003	2015
Светская республика с регулированием отношений гражданско-правовыми нормами	80,8	51,3	87,9	87,5	70,7	81,5
Исламская республика с регулированием отношений религиозно-шариатскими нормами	13,6	32,6	1,0	0,0	2,0	14,8
Тайповое сообщество с регулированием отношений нормами адата (обычного права)	2,2	12,8	1,0	0,0	2,0	0,0
Военно-административное управление, генерал-губернатор	1,6	0,9	9,1	0,0	8,1	0,0
Другое	1,8	2,5	1,0	12,5	4,0	3,7

В 2003 г. более 4/5 чеченцев и русских и 3/4 других национальностей высказались за светскую республику с регулированием отношений гражданско-правовыми нормами. В 2015 г. уменьшилось количество чеченцев, предпочитающих светскость в устройстве республики, на 29,2 % и почти в 2,5 раза возросло число сторонников учреждения исламской республики.¹

¹ Результаты получены в ходе соцопроса «Социокультурные ценности возрождающейся региональной общности», 2015.

С 2009 г. становится доминирующим религиозно-традиционное направление в региональной политике, духовной, идеологической и социокультурной мобилизации, определении стандартов образа жизни. В суждениях отдельных граждан и специалистов признается целесообразным внесение религиозных элементов в систему административно-политического и экономического управления (табл. 2).

Таблица 2

**Использование принципов и норм в сфере политики
и экономики (2009 г.), %**

Принципы и нормы	Чеченцы	Русские	Другие	Эксперты*
Исламские принципы и нормы	29,4	0,0	23,2	22,2
Гражданско-правовые нормы	33,5	75,6	44,9	51,9
Национально-этические нормы	12,1	2,4	10,1	14,8
Затрудняюсь ответить	20,8	19,5	17,4	3,7
Не желаю отвечать	4,1	2,4	4,3	7,4**

Примечание. * – эксперты чеченской национальности; ** – другое мнение.

За широкое использование норм ислама в политике и экономике высказались чеченцы – 29,4 %, русские – 0, другие – 23,2 %, гражданско-правовых норм – 33,5; 75,6 и 44,9 % соответственно, национально-этических норм – 12,1; 2,4 и 10,1 %.¹ Из тех, кто выбрал использование исламских норм, 94,2 % чеченцев, 5,8 % – другие национальности.

Обсуждение. Общественное сознание и идентичность чеченцев характеризуются органической взаимосвязью и единством этнокультурности и религиозности. Эта неразрывность выражается в том, что индивид не видит свою личностную сущность в разрыве указанных компонентов самоидентификации. В обществе культурные традиции становятся религиозными, а религиозные идеи и пространства – частью культуры (Abdulla, 2018).

Религиозная ситуация всегда претерпевала изменения с наступлением социально-политических перемен в рамках одной или разных эпох, разные вехи религиозной политики и уровня религиозности наблюдались в советском социалистическом обществе.

Богословы старшего поколения отмечают высокую активность участия молодежи в пятничной молитве, джамаат намазе, но в отличие

¹ Результаты социологического опроса «Социокультурные проблемы в период восстановления и развития региона», 2009.

от молодых советских лет имеют меньше иман (араб. «религиозная вера»), в местном широком контексте термин включает и нравственно-этическую воспитанность. Такое мнение складывается скорее по причине того, что нередко внешнее, показное, солидарная массовость превалирует над внутренним миром, сокровенным, сакральным. Но самой существенной является этнокультурная трансформация, отдаление новых поколений от традиционного уклада, тенденция упрощения правил коммуникаций и общежития. Это воспринимается уходящими поколениями потерей былой культурности и религиозности, внутренней мобилизованности на отзывчивость, предупредительность, внимание к другому человеку.

Процессы подобных изменений подтверждают данные социологического исследования, индекс значимости иман (религиозной веры) составил 4,8, уровень ее проявления в обществе – 3,8 (индекс рассчитан преобразованием 10-балльной шкалы в 5-балльную), значимость культурно-этических норм – 4,6, уровень их соблюдения – 2,5.¹

Как видим, имеется сильное расхождение индивидуальных самооценок значимости указанных ценностей и социальных оценок о религиозном и культурно-этическом состоянии региональной общности. На личностном уровне очень высока оценка значимости религиозной веры, довольно высокой признается она и в обществе. Однако разительны показатели функционирования культурно-этических норм. Уровень их соблюдения, по мнению респондентов, низкий в обществе, ослабление традиционной культуры в отдаленной перспективе может сказаться на религиозности населения.

В исследовании выявлена связь ценностно-религиозных представлений об общественном устройстве и общественно-политических позиций, установок. Предпочитающие видеть ЧР как автономного равноправного субъекта РФ и особого статуса в составе РФ высказались за светскую организацию региона (89 и 88,3 %), исламскую – 7,7 и 7,5 %. Сторонников независимости среди всех опрошенных чеченцев – 21,1 %, из них сделали выбор светского устройства 58,2 % и исламского – 37,3 %.²

Итак, ориентированные на пребывание в составе РФ – за светскую форму государственной организации республики (около 90 %), в

---

¹ Основные результаты социологического опроса «Социокультурные ценности в контексте социальных изменений в регионе», 2018.

² По результатам социологического опроса «Интересы, нормы, ценности в условиях регионального конфликта», 2003.

то время как отдающие предпочтение независимости расслоились на две значительные группы.

В исследовании было выявлено влияние на предпочтение типа обустройства региона приверженности общежитию с национальным сознанием, традициями, обычаями, гражданским сознанием и нормами. Предрасположенные жить по национальным традициям и обычаям отдали предпочтение светской организации региона – 74,1 %, исламской – 21,5 %, а желающие жить гражданским сознанием и по гражданским нормам выбрали светскость – 91,1 %, «исламскость» – 5,1 %.

Однако через 12 лет ценностные представления изменились, по результатам опроса 2015 г. за светскую республику высказались 51,2 % чеченских респондентов, исламскую – 32,8 %. Причем рост сторонников исламского устройства произошел за счет молодых людей 18–24 лет (40 %), что составляет из всех высказавшихся за исламскую республику 25,8 и 8,4 % от общего числа опрошенных. В возрасте 60 лет и старше наименьшее число пожелавших исламского устройства.¹

Вопрос о типе устройства республики был актуальным в период кризиса и неопределенного состояния региональной общности, когда существовали разные общественные силы со своими идеологическими проектами. Постконфликтное мирное строительство в регионе осуществляется в рамках Конституции РФ и Конституции ЧР, произошла реинтеграция региона в финансово-экономическое, образовательное, культурное, государственно-политическое пространство России.

Вместе с тем существует шлейф институтов, сформированных в предыдущие годы «самостоятельности» ЧР (1996–1999). Региональное управление отличается органической связью административных институтов и учреждений с религиозными организациями, взаимной поддержкой, консолидацией общества совместными усилиями, мерами по сохранению сложившегося после конфликта социального порядка, предупреждения возможных идейно-политических угроз, радикализма и экстремизма. Между тем функцией и целью религии всегда было создание социальной гармонии, считают религиоведы, разногласия в большинстве политических обществ исходят не из религии, а из других источников (Murphy, 2014).

В массовом сознании респондентов высказываемые идеи исламского строительства республики не содержат четкого представления о механизмах воплощения этого в конкретных институтах, государственно-

---

¹ Результаты получены в ходе соопроса «Социокультурные ценности возрождающейся региональной общности», 2015.

но-управленческих связях, организации экономики. Есть просто ожидание, что исламское устройство будет олицетворять и обеспечивать реализацию принципа справедливости.

В ЧР существует, как и в других регионах, сеть магазинов с халляльной продукцией, открыт в 2017 г. филиал Фонда имени шейха Халифа бин Зайеда Аль Нахайяна (ОАЭ) для поддержки малого и среднего предпринимательства. Он работает по трем направлениям: традиционное финансирование под 11 % годовых, исламское партнерское финансирование беспроцентное, лизинг (рассрочка) от 13 % годовых (Фонд имени шейха Зайеда...). На экономическом факультете ЧГУ и в Российском исламском университете более 25 лет преподается курс «Исламская экономика и предпринимательство» (Гезиханов, 2020).

Ключевые направления взаимодействия управленческих кадров и религиозных деятелей: религиозно-идеологическое, организационно-общественное, духовно-нравственное. Религия дает политическую легитимность власти и в то же время мотивирует людей подчиняться (Mazurkiewicz, 2020). Духовные лица также вовлечены в идеологическое и политическое внутривеченское противостояние, выражающееся в продолжении конфликтной конфронтации послевоенной чеченской республиканской администрации и находящихся в изгнании чеченских общественных лидеров.

Ислам в Чечне в строгом смысле слова не политический, такие ростки наблюдались в период зарождения и развития конфликта, с избранием в 2003 г. новой администрации ЧР ликвидированы какие-либо предпосылки становления политического ислама, нет информационного и религиозно-инфраструктурного пространства для открытого функционирования групп – носителей идей политического ислама и таких проявлений, как ваххабизм.

Отношение к ваххабизму остается почти неизменным: в 2003 г. положительно отнеслись к нему 1,1 % опрошенных чеченцев, в 2017 г. – 1,8 %, отрицательно – 81,1 и 79,8 % соответственно.

С одной стороны, против ваххабизма, или салафизма, выступают религиозные деятели традиционного ислама, с другой – ваххабизм не приемлет во всех возрастных группах и социальных слоях, религиозные общины традиционного ислама настроены достаточно агрессивно и конфронтационно. Как видим, противоречие исламского традиционализма и ваххабистского модернизма перерастает в антагонизм двух образов жизни: национально-этнического (чеченского) и навязываемого инационального (арабского) (Юсупов, 2000).

Таким образом, в ЧР – ислам традиционный, т. е. его исповедуют в том виде, в каком старшие поколения в прошлом его приняли, адаптировали к местным культурным особенностям, и сегодня он органически связан с этнокультурностью народа, в этом смысле можно назвать его народным исламом. Он организационно структурирован, обрел внутри своей системы соподчиненность различных компонентов на уровне религиозных общин по горизонтали и «религиозно-чиновническую» иерархию по вертикали в виде Муфтията ЧР, районных (городских) кадий и имамов мечети. Глава ЧР имеет советника и помощников по вопросам религии, в некоторых учреждениях и ведомствах есть должности заместителя руководителя или помощника по духовно-нравственным вопросам.

Заключение. Ислам в Чечне имел разные страницы отношений с государством и властью, но всегда был неразрывно связан с обществом и народом и во многом определял мировосприятие и образ жизни людей. В чеченском обществе пока не актуальны идеи реформирования ислама, тем более адаптации его к европейской цивилизации. В духовной деятельности просматривается потребность, с одной стороны, быть продолжением и частью исторического, традиционного ислама в крае, с другой – органической частью зародившегося в прошлом ислама и частью современного мирового ислама. Европейские ценности воспринимаются односторонне, преимущественно через призму образа жизни, современных непривычных проявлений в гендерных отношениях, общезжитии. И поэтому нередко в проповедях и в публичных выступлениях религиозных деятелей выражается конфронтация с западным миром, даются негативные оценки. Отношение к ваххабизму (салафизм) неизменно негативное на протяжении 30 лет у верующих и духовенства.

Межпоколенческая связь в региональной общности устойчивая. Сохраняется высокий уровень религиозности со сменой поколений. В условиях глобализации заметны изменения в культуре общения, прежде всего у молодежи.

Ценностно-религиозные представления об использовании элементов ислама в политической и экономической сферах имеют очень слабую отрицательную корреляцию с полом по Спирмену, но заметную положительную с возрастом и образованием.

Тип устройства и тип системы власти не являются главными и базовыми ценностями, они представляют лишь средства или инструменты социальной организации и соответствуют переживаемой ситуации и времени. Базовыми и универсальными для данного общества являются

определяющие принципы, ценности и нормы, институированные и регулирующие отношения в обществе.

В основе ценностно-религиозных представлений в целом можно выделить теоретический (богословский), специальный (религиоведческий), индивидуально-массовый (обыденный) уровень религиозных знаний. Религиозные институты, богословы много внимания уделяют религиозно-идеологическому освещению политики власти, поддержке вертикали административного управления, поощрению благотворительности и недооценивают потребность стимулирования социально-творческой активности, развития локальной и горизонтальной демократии. В сознании части респондентов принцип справедливости может найти реализацию при религиозной сакрализации институтов власти, имплантировании элементов ислама в систему управления. Однако у многих есть опасение, что чрезмерное сближение или сращивание институтов власти и религиозных организаций в итоге могут привести к снижению и падению авторитета официального духовенства. Исследование предполагает в перспективе продолжение социологического мониторинга динамики изменения ценностно-религиозных представлений и их влияния на социальное и политическое поведение. Результаты такого наблюдения могут быть использованы в практической деятельности религиозных, культурных, образовательных учреждений и муниципальных органов управления.

Литература

Акаев В. Х. Религиозно-политические особенности «северокавказского ваххабизма» и конфликт с суфизмом // *Исламоведение*. 2010. № 4. С. 4–17.

Бабич Н. С., Хоменко В. Ш. Шкала «предрасположенность к религиозности»: концептуальные основы // *Социологические исследования*. 2016. № 6. С. 65–71.

Гараджа В. И. Социология религии: учеб. пособие для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2005. 348 с.

Гезиханов Р. А. Исламская экономика и предпринимательство: учеб.-практ. пособие. 3-е изд., доп. Грозный: Изд-во Чеченского гос. ун-та, 2020. 364 с.

Добаев И. П. К вопросу о религиозной чистоте «истинного ислама» // *Гуманитарий Юга России*. 2020. Т. 9 (43), № 3. С. 202–215.

References

Akayev, V. Kh. (2010). Religious and political features of «North Caucasian Wahhabism» and the conflict with Sufism. *Islamovedeniye*, 4, 4-17. (in Russian).

Babich, N. S., Khomenko, V. Sh. (2016). Scale «predisposition to religiosity»: conceptual foundations. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 6, 65-71. (in Russian).

Garadzha, V. I. (2005). *Sociology of religion: Textbook for students and postgraduate students of humanitarian specialties*. 3rd ed., revised and add. Moscow: INFRA-M. (in Russian).

Gezikhanov, R. A. (2020). *Islamic Economy and Entrepreneurship: Teaching and Practical Guide*. 3rd edition, added. Grozny: Izd-vo Chenchenskogo gos. un-ta. (in Russian).

Dobaev, I. P. (2020). On the question of the religious purity of «true Islam». *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 9 (43), 3, 202-215. (in Russian).

Кофанова Е. Н., Мчедлова М. М. Религиозность россиян и европейцев // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 4 (98). С. 201–230.

Максименко А. А. Социологическая интерпретация понятия «ценность» // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2011. № 2. С. 284–291.

Малашенко А., Тренин Д. Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России / Моск. центр Карнеги. М.: Гендальф, 2002. 267 с.

Мациевич И. В., Семедов С. А. Политические религии в современном мире // Вестник Института социологии. 2012. № 4. С. 36–49.

Социология межэтнической толерантности / отв. ред. Л.М. Дробизева. М.: Ин-т социологии РАН, 2003. 222 с.

Фонд имени шейха Зайеда увеличит финансирование бизнес-проектов Чечни до \$1 млн. Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/5824437>.

Юсупов М. М. Ислам в социально-политической жизни ЧР // Кавказ и Центральная Азия. 2000. № 2. С. 164–171.

Abdulla M. R. Culture, Religion, and Freedom of Religion or Belief // *The Review of Faith & International Affairs*. 2018. Vol. 16, N 4. P. 102-115. DOI 10.1080/15570274.2018.1535033.

Ashaari M. F. et al. An Assessment of Teaching and Learning Methodology in Islamic Studies // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2012. Vol. 59. P. 618-626. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/>.

Bader V. Secularism or democracy? Associational governance of religious diversity // *Journal for Contemporary Philosophy*. 2007. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/37710846>.

Fuller G., Kurpershoek M. What Future for Political Islam? Dilemmas and Opportunities for the Next Decade. WRR lecture. 2004. Available at: <https://www.wrr.nl>.

Harmsen E. Islam, Civil Society and Social Work: Muslim Voluntary Welfare Associations in Jordan between Patronage and Empowerment. Amsterdam University Press, 2008. 500 p. DOI 10.5117/9789053569955. Available at: <http://library.oapen.org/handle/20.500.12657/35215>.

Mazurkiewicz P. Policy on Religion in the European Union // *Religions*. 2020. Vol. 11. P.

Kofanova, E. N., Mchedlova, M. M. (2010). Religiousness of Russians and Europeans. *Monitoring obshchestvennogo mneniya*, 4 (98), 201-230. (in Russian).

Maksimenko, A. A. (2001). Sociological interpretation of the concept of «value». *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova*, 2, 284-291. (in Russian).

Malashenko, A., Trenin, D. (2002). Time of the South: Russia in Chechnya, Chechnya in Russia. Moscow Carnegie Center. Moscow: Gendalf. (in Russian).

Matsievich, I. V., Semedov, S. A. (2012). Political religions in the modern world. *Vestnik Instituta sotsiologii*, 4, 36-49. (in Russian).

Sociology of Interethnic Tolerance. (2003). L.M. Drobizheva (Ed.). Moscow: Institut sotsiologii RAN. (in Russian).

Sheikh Zayed Foundation to increase financing of Chechen business projects to \$1 million. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/5824437>. (in Russian).

Yusupov, M. M. (2000). Islam in the social and political life of the Chechen Republic. *Kavkaz i Tsentral'naya Aziya*, 2, 164-171. (in Russian).

Abdulla, M. R. (2018). Culture, Religion, and Freedom of Religion or Belief. *The Review of Faith & International Affairs*, 16:4, 102-115. DOI 10.1080/15570274.2018.1535033.

Ashaari, M.F., et al. (2012). An Assessment of Teaching and Learning Methodology in Islamic Studies. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 59, 618-626. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/>.

Bader, V. (2007). Secularism or democracy? Associational governance of religious diversity. *Journal for Contemporary Philosophy*. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/37710846>.

Fuller, G., Kurpershoek, M. (2004). What Future for Political Islam? Dilemmas and Opportunities for the Next Decade. WRR lecture. Available at: <https://www.wrr.nl>.

Harmsen, E. (2008). Islam, Civil Society and Social Work: Muslim Voluntary Welfare Associations in Jordan between Patronage and Empowerment. Amsterdam University Press. DOI 10.5117/9789053569955. Available at: <http://library.oapen.org/handle/20.500.12657/35215>.

Mazurkiewicz, P. (2020). Policy on Religion in the European Union. *Religions*, 11, 534. DOI

534. DOI 10.3390/rel11100534. Available at: <http://www.mdpi.com/journal/religions>.

Maxwell C.C. Musingafi, Mafumbate Racheal, Khumalo F. Thandi. Traditional conflict management initiatives in Africa: Wellness models for southern Africa and the Zimbabwean crisis // *Journal of Culture, Society and Development*. 2019. Vol. 47. P. 60-67. DOI 10.7176/JCSD. Available at: <http://www.iiste.org>.

Murphy J.B. Religious Violence Myth or Reality? A Symposium on William T. Cavanaugh's The Myth of Religious Violence // *Political Theology*. 2014. Vol. 15, N 6. P. 479-485. DOI 10.1179/1462317X14Z.00000000093.

Для цитирования: Юсупов М. М. Ценностно-религиозные представления об устройстве региональной общности. // *Гуманитарий Юга России*. 2021.3 (49). С. 112–127. DOI 10.18522/2227-8656.2021.3.9

10.3390/rel11100534. Available at: <http://www.mdpi.com/journal/religions>.

Maxwell, C.C. Musingafi, Mafumbate, Racheal, Khumalo, F. Thandi (2019). Traditional conflict management initiatives in Africa: Wellness models for southern Africa and the Zimbabwean crisis. *Journal of Culture, Society and Development*, 47, 60-67. DOI 10.7176/JCSD. Available at: <http://www.iiste.org>.

Murphy, J.B. (2014). Religious Violence Myth or Reality? A Symposium on William T. Cavanaugh's The Myth of Religious Violence. *Political Theology*, 15:6, 479-485. DOI 10.1179/1462317X14Z.00000000093.

История статьи:

Поступила в редакцию – 26.04.2021 г.

Получена в доработанном виде –
20.05.2021 г.

Одобрена – 15.06.2021 г.

Доступна – 02.08.2021 г.

Сведения об авторах

Юсупов Муса Мовлиевич

Кандидат социологических наук,
доцент,
Чеченский государственный университет

364024, г. Грозный,
ул. Шерипова, 32,
e-mail: musa_y17@hotmail.com

Information about authors

Musa Movlievich Yusupov

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Chechen State University

32 Sheripova str.,
Grozny, 364024,
e-mail: musa_y17@hotmail.com